

РУКОВОДИТЕЛЬ ОСОБОГО ТИПА.НИКОЛАЙ СЛЮНЬКОВ.

За всю историю Коммунистической партии Советского Союза только два белоруса были секретарями ЦК КПСС - Михаил Васильевич Зимянин и Николай Никитович Слюньков. Но в отличие от Зимянина Слюньков был еще и членом Политбюро ЦК КПСС, и заведующим Экономическим отделом ЦК.

Родина партийного и государственного деятеля СССР и БССР Николая Слюнькова - местечко Городец Рогачевского района Гомельской области. Здесь 26 апреля 1929 года начался его жизненный путь. Его отцом был Никита Тарасович Слюньков (1892-1935), а матерью – Ксения Васильевна Слюнькова (1896-1973).

Вот как описывает детство и юность Николая Никитовича бывший корреспондент «Правды» по Белоруссии А.Т.Симуров:

«Горьким, голодным и холодным было детство сельского паренька в годы военного лихолетья. Безотцовщина тоже наложила свой отпечаток. Семья рано потеряла отца – Никита Тарасович умер в 1935 году от туберкулеза. На руках у матери - Аксиньи Васильевны - осталось четверо: трое парней и девочка. О воспитании их говорить не приходится. Росли предоставленные самим себе, не по годам рано научились выполнять все деревенские работы - пасли скотину, косили, ходили за плугом, сушили торф на соседнем болоте. Изба в войну сгорела и пришлось ютиться в сарае, утепленном жердями и соломой.

Нужда не только голодать заставляет, но и жизненную устойчивость вырабатывает, побуждает к деловой цепкости, подталкивает к не по возрасту ранним мыслям и действиям. Именно в те трудные военные годы Коля начал зарабатывать хорошие деньги. Он запасся трофейными камерами от подбитых на военных дорогах грузовиков и принялся клеить резиновые обувки-бахилы. Да так наловчился, что мать на вырученные деньги вскоре смогла купить телку.

Не легче было и после поступления в автомеханический техникум. В две недели раз, а то и каждое воскресенье он спешил из Минска домой в село Городец, что на Рогачевщине, бежал трусцой более восьми километров от ближайшего железнодорожного полустанка. Наскоро отдохнув, набирал в мешок картофеля, сухарей и еще, чего Бог посылал, опять спешил к товарняку, к понедельничным занятиям.

После окончания техникума Николай Слюньков начал работать помощником мастера на Минском тракторном заводе. Круто варился в заводском котле. За шесть лет дошел до начальника дизельного цеха...

Партийная организация, присмотревшись к молодому специалисту, выделила в нем ряд ценных качеств – бескорыстие, честность, контактность с людьми и способность к полной самоотдаче в труде, если надо, сутками. Именно с учетом этого его избрали председателем

заводского комитета профсоюза. Через четыре года он - директор Минского завода запасных частей...»

От начала работы Слюнькова на Минском тракторном заводе (1950) до поста директора завода запчастей (1960) прошло всего десять лет. В 1962 году он заканчивает Белорусский институт механизации сельского хозяйства (теперешний БАТУ).

С 1965 года Николай Никитович - директор Минского тракторного завода, генеральный директор Минского производственного тракторотроительного объединения. Именно здесь во всю мощь раскрылся талант Слюнькова как организатора крупномасштабного поточного производства. Кульминационным пунктом его директорства был, конечно, период перехода предприятия на выпуск тракторов МТЗ-80 и МТЗ-82 без остановки конвейера. Кроме решения трудных технических задач, здесь, как на оселке, проверялись директорский характер, его прочность, директорская последовательность, принципиальность.

Несмотря на скептицизм ответственных работников Минсельхозмаша, Слюньков отстаивал свою точку зрения и пробил дорогу новому трактору. Будучи директором Минского тракторного завода, он наперекор союзному министерству (было несколько решений) и лично министру И.Ф.Синицыну смог добиться, что вопрос о создании профильного объединения, создании практически нового трактора всё-таки поставили на рассмотрение Президиума Совета Министров СССР. На том заседании не просто добились идею Николая Никитовича, а обязали министерство оказать всестороннюю помощь в её осуществлении. При небольшой реконструкции предприятия страна получила крайне необходимую технику. А также выиграла во времени в восемь-десять лет. БССР широко шагнула на мировой рынок, успешно конкурируя с самыми авторитетными зарубежными фирмами.

Николай Слюньков не боялся быть первопроходцем. Первый съезд тракторных литейщиков Советского Союза проходил на Минском тракторном заводе по его инициативе. Пескоструйное и пескострельное оборудование впервые в СССР смонтировали на МТЗ. Собственное станкостроение впервые появилось здесь, на Минском тракторном. С 1975 по 1990 год каждый квартал МТЗ был лучшим в СССР.

При решении любой проблемы для Николая Никитовича главным было не как сделать, а за какое время сделать, При нём техническая реконструкция завода проводилась непрерывно.

...Не дадите согласие на избрание первым секретарём Минского горкома партии - вообще покинете Минск. В Москве нужен заместитель тракторного и сельскохозяйственного машиностроения» - таков был последний козырь Петра Машерова и Тихона Киселёва после неоднократных отговорок директора МТЗ Николая Слюнькова.

В 1972 году Слюньков был избран первым секретарем Минского горкома партии. Коммунисты столицы республики получили решительно

руководителя, сумевшего отойти от привычных, устаревших стандартов, который на равных вел дела с производственниками и учеными, строителями и творческой интеллигенцией, студенческой молодежью и ветеранами войны и труда. Безусловно, что из рабочего коллектива тракторостроителей на партийную работу пришел вполне сформировавшийся современный руководитель, умеющий всесторонне и трезво оценивать любую ситуацию, продуманно расставлять и направлять кадры, принципиально, страстно решать большие и малые дела в интересах народа.

Будучи первым секретарём Минского горкома партии, Н.Н.Слюньков стал одним из активных авторов идеи о неотложном строительстве метро в минске. Он связался с членами Политбюро ЦК КПСС Мазуровым и Громько, министром Тарасовым и и другими высокими государственными деятелями, которые сочувствовали Беларуси, и как мог доказывал, что Минску необходимо метро. В ответ на высказывания многих высокопоставленных деятелей, что в Минске ещё нет миллиона жителей (обязательное условие для строительства метро в том или ином городе СССР-Э.И.), Слюньков замечал, что БССР – это один из трёх недотационных регионов СССР и подземка нужна ей, как воздух. В результате строительство в Новосибирске отложили, а в Минске начали разрабатывать проектную документацию.

Через два года работы в Минском горкоме партии- в 1974-м Председатель Совета Министров СССР Александр Николаевич Косыгин предложил Николаю Никитовичу перейти на новый ответственный участок работы в Москву - заместителем председателя Госплана СССР по машиностроению. Здесь он проработал девять лет. Слюньков курировал развитие десяти министерств гражданского машиностроения, вёл многотрудную работу, объем которой по сравнению с МТЗ и горкомом партии гигантски возрос. Одновременно он помогал землякам, старался обновить в БССР высокотехнологические предприятия, оснащённые новейшими зарубежными технологиями. И тогда конкретно и неоднозначно Машеров попросил Слюнькова:

«Сможете в Москве пробить быстрее начало строительства нашего метро – это будет ваша величайшая заслуга».

Дело в том, что необходимого оборудования для проходки туннелей метро не хватало даже для Москвы и Ленинграда, фонды были распределены на пятилетку вперёд. А здесь внеплановое выделение для города, в котором пока ни одной действующей линии метро...Это невозможно. После завершения подготовительных работ в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1977 года началось строительство метрополитена в столице Беларуси. 11 марта 1977 года ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли постановление «О мерах по организации строительства метрополитена в г.Минске». Через семь лет - 29 июня 1984 года именно при Слюнькове в торжественной обстановке состоялся пуск первой линии метро в Минске.

Через много лет Николай Никитович вспоминал:
«Невозможное стало явью».

Работая в Москве заместителем Председателя Госплана СССР, Слюньков неоднократно рвался вернуться в родную Беларусь, в ставший для него родным город Минск. Это желание поддерживал руководитель Компартии Беларуси Тихон Киселёв. В фондах Национального архива Республики Беларусь хранится интересный документ. Из него следует, что 25 мая 1982 года первый секретарь ЦК КПБ Т.Киселёв (кстати, в течение ряда лет проработавший заместителем Председателя Совета Министров СССР), обратился в ЦК КПСС со следующей просьбой:

«ЦК Компартии Белоруссии просит утвердить заместителем Председателя Совета Министров Белорусской ССР, председателем Госплана БССР т.Слюнькова Николая Никитовича...В настоящее время работает заместителем Председателя Госплана СССР»(НА РБ. Ф.4. Оп.145.Д.2.Л.180).

Так уж сложилось, что через семь месяцев он вернётся в Минск и возглавит Компартию Беларуси. В январе 1983 года после смерти Т.Я.Киселева Николая Слюнькова избирают первым секретарем ЦК КПБ.

Среди историков и журналистов до сих пор идут споры, почему выбор Москвы остановился на Николае Слюнькове, а не на Александре Аксёнове, Михаиле Зимянине или на каком-нибудь другом кандидате на пост главы Компартии Беларуси.

На мой взгляд, ближе всех к истине был бывший корреспондент «Правды» в БССР А.Т.Симуров. Вот что он писал в 1999 году::

«...Он (Н.Н.Слюньков –Э.И.) не единожды в кругу друзей повторял: готов от Москвы до Минска идти пешком, только бы отпустили. И вот мечта сбылась. Председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков, наконец, дал согласие на возвращение своего заместителя в Белоруссию после неоднократных просьб руководства республики.

Вспомнился Николаю Никитовичу вечерний телефонный звонок. С ним из больницы связался Тихон Яковлевич Киселёв. Разговор был коротким, но до крайности тяжёлым.

- Я хочу, Николай Никитович, тебе сказать, - услышал он слабый, холодящий душу голос Киселёва. – что я сделал всё возможное, чтобы ты вернулся в Минск, и мы работали вместе...Да, видать. Не судьба...Прощай.

Позже жена Киселёва, Нина Фёдоровна, рассказывала, что то телефонное сообщение Тихона Яковлевича с внешним миром было последним. Закончив разговор со Слюньковым, он попросил больше ни с кем не соединять.

За разбором бумаг и размышлениями над подробностями вчерашнего разговора Слюнькова застал телефонный звонок секретаря ЦК КПСС И.В.Капитонова.

- Собираешься? – спросил Иван Васильевич и, не дожидаясь ответа, сказал: - Надо повременить с отъездом. Без моего звонка билет пока не бери.

И никуда не отлучайся. Через часа два последовал второй звонок от Капитонова:

Быстренько приезжай ко мне...

Войдя в приёмную Капитонова, Николай Никитович увидел распахнутые двери пустого кабинета. Секретарь сообщила:

-Иван Васильевич попросил вас подняться в зал заседаний Политбюро.

И здесь долго не задержали. Обращаясь к Слюнькову, ведший заседание (Ю.В.Андропов – Э.И.) сообщил как уже решённое:

-Вы проситесь вернуться на работу в Белоруссию? Мы удовлетворяем вашу просьбу – поедете туда в качестве первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Прошедшей ночью скончался товарищ Киселёв. Поедете вместе с товарищем Капитоновым. Ему поручено провести организационный пленум. Желаем успеха...». (Симуров А. Вожди, вожаки, вожачки: тайными коридорами власти –Мн., 1999 –С.36-37.).

Если быть объективным, следует отметить, что Слюнькову от Киселёва досталось непростое наследство: спад производства, усугубившийся дефицитом товаров повседневного спроса и особенно – продуктов питания.

Напутствуя нового первого секретаря ЦК КПБ, Андропов сказал:

«Все, что произведёшь на полях и фермах сверх установленных планов, можешь оставить в республике для нужд населения».

Белорусский писатель и журналист С.Антонович прав, отмечая, что в такой ситуации Слюнькову вольно или невольно превращаться в хозяйственного администратора, теряя своё политическое лицо.

В беседе с автором этих строк Николай Иванович Дементей, который десять лет работал секретарем ЦК КПБ по сельскому хозяйству, отмечает:

«Когда я работал инспектором ЦК КПБ, однажды меня вызвал к себе Пётр Миронович Машеров и попросил уговорить первого секретаря Минского горкома партии Николая Никитовича Слюнькова поехать на собеседование в Москву, в ЦК КПСС для перехода на ответственную работу в союзные органы. Дело в том, что до этого он три раза отказывался ехать в Москву. Вскоре я узнал, что он назначен заместителем Председателя Госплана СССР.

В январе 1983 года Слюньков возглавил партийную организацию Беларуси.

Это был совершенно другой тип руководителя, чем его предшественники. Стиль работы Николая Никитовича заметно отличался от того, которого придерживались П.М.Машеров и Т.Я.Киселев. Это был жесткий, требовательный хозяйственник. Школой его воспитания стал трудовой коллектив Минского тракторного завода, там он в тяжелые послевоенные годы получил и первые управленческие навыки. Так как в той среде иногда одного внушения для перевоспитания нерадивого работника оказывалось недостаточно, руководителю порой приходилось использовать более радикальные методы. Эти же методы Н.Слюньков

использовал и перейдя на работу в партийные органы, за что во время пребывания в должности первого секретаря Минского городского комитета партии получил прозвище «директор горкома»..

...Выбор на Н.Слюнькова в качестве нового лидера партийной организации Белоруссии, думаю, был не случайным. Рекомендую его, Москва прежде всего рассчитывала на то, что первый партийный лидер сможет укрепить исполнительскую дисциплину и ответственность кадров в республике, которые, по мнению ЦК КПСС, после гибели П.М.Машерова и из-за болезни Т.Я.Киселева несколько ослабли. В этом их убеждало то, что в республике снизились отдельные показатели развития народного хозяйства. Хотя, как я уже говорил выше, истинная причина была в другом: три последних года оказались для сельского хозяйства самыми неблагоприятными по погодным условиям – засуха, мороз среди лета, непрерывные дожди во время уборки урожая. В Центре, однако, считали иначе: положительную динамику развития экономики Белоруссии можно получить, лишь повысив ответственность и дисциплину кадров на всех участках партийной и государственной работы.

И Николай Никитович Слюньков энергично включился в работу. Он часто посещал предприятия, районы и области, встречался с кадрами, проводил разбор фактического положения дел на местах. Давались строгие, но объективные оценки деятельности кадров, предполагались меры по исправлению недостатков...

Хочу заметить, что Николай Никитович всегда был человеком слова, целеустремлённой, очень осмотрительной, очень трудолюбивой личностью. Слюньков всегда стремился достичь максимального результата в своей деятельности. Его указания были чёткие, определённые, понятные. С ним было легко работать»

Попробуем ответить на вопрос:

«Что дало лидерство Н.Н.Слюнькова в Коммунистической партии Белоруссии?»

Предоставим слово журналисту Александру Симурову:

«Перво-наперво то, что экономика республики засверкала новыми гранями: были достигнуты самые высокие темпы промышленного развития. Быстро наращивался выпуск товаров народного потребления – их поставками на рынок занялись все предприятия, независимо от подчиненности и специализации. Заметно возросли урожаи, продуктивность животноводства, что позволило не только сократить долги по поставкам этой продукции государству, но и пополнить прилавки продовольственных магазинов. На белорусской земле практически исчезли убыточные колхозы и совхозы...Хныканье и слезы хозяйственников в расчет не шли, т.к. в их сознание внедрялась мысль: планы пятилетки, продовольственная программа – реальны и выполнимы, что и доказывалось напряженной текущей работой.

Что же за эликсир от экономических хворей принес с собой в республику новый партийный вожак? Название элементарно прозаическое - метод сравнительного анализа. Что это такое? Это жесткий контроль действием...

Такой анализ вызывает активное мышление, у иных глубоко задевает самолюбие, будоражит совесть, гордость, чувство собственного достоинства.

Как партийный руководитель Н.Н.Слюньков обладал умением выбирать такие формы и методы работы, которые обеспечивали безусловное выполнение принятых решений, помогали выявлять и вовлекать в дело все возможности. Он стремился четко обозначить место каждой парторганизации, каждого ведомства в общем потоке будней. Особо ставил задачу работать на местах, глубоко анализировать положение дел, свои действия.

И еще три обязательных условия были в его стиле. Проблему кадров считал вопросом вопросов, первым условием в работе. Надо хорошо знать того, кому доверяется руководящий руль, подчеркивал он. Изучать людей не по анкетам, а.. по делам. Плохо, когда все доверяется только бумаге. Нужно познавать руководителя прежде всего в том коллективе, где он работает, по конкретным делам и результатам. Тем и оценивать.

Второе условие – создание напряженности, работать с полной отдачей сил. Это мобилизует каждого. Человек, который шагает налегке, не раскроется до конца, не использует полностью свои возможности...

Третье условие – думать, искать возможность, как сделать порученную работу лучше. Прошел день – подведи ему итог, проанализируй: что сумел сделать и что нет? Почему не сделал? Какие уроки нужно извлечь на завтра?...».

Не хочу принижать деятельность предшественников Николая Никитовича на фактически самом высоком посту в республике, но как говорится, истина познаётся в сравнении.

В 1983-1985 году наша республика не только выполнила государственные планы по продаже молока и мяса, но и сумела покрыть часть задолженности первых двух лет пятилетки. Увеличились запасы кормов, улучшилось их качество. Ежегодная прибавка составляла по миллиону кормовых единиц. Если в 1981 году у нас было 1148, в 1982 году – 1147 убыточных хозяйств, то в 1983 году их количество уменьшилось до 64, а 1984-й год был завершён вовсе без убыточных колхозов и совхозов.

Прочитав эти цифры, некоторые читатели могут сказать, что помогли списание задолженностей и увеличение закупочных цен. В таком утверждении только половина правды. Другая половина состоит в том, что ЦК КПБ сумел мобилизовать силы партийных, советских и сельскохозяйственных органов на преодоление отставания убыточных колхозов и совхозов, на предметную работу с каждым хозяйством.

Под давлением руководящих структур количество предприятий, которые налаживали деятельность подсобных хозяйств, увеличилось. Если в 1983 году в республике насчитывалось 1114 коллективов, которые создали «агроцехи», то в 1987 году – 1900.

С октября 1983 года БССР являлась полигоном проверки эффективности новых элементов хозяйственного механизма всего СССР. Всего в новых условиях действовало более 400 объектов хозяйствования, на долю которых приходилось около 40% общего объёма промышленного производства республики и почти весь объём бытовых услуг, оказываемых населению.

С именем Слюнькова связаны ввод в действие завода «Могилевсельмаш», Молодечненского завода порошковой металлургии. Белорусского металлургического завода в Жлобине, кирпичного завода «Гайдуковка» в Минском районе, первой очереди Радошковичского керамического завода, Пинского завода средств малой механизации и металлоконструкций, Барановичского станкостроительного завода, выпуск первой продукции нового молочного завода в Минске, ввод в эксплуатацию автовокзала «Восточный» в Минске, открытие нового аэропорта и нового железнодорожного вокзала в Гродно, нового аэровокзала в Бресте и Пинске.

Большинство соратников Н.Н.Слюнькова, те, кто неоднократно встречались с ним, отмечают его аналитическое мышление и обострённое политическое чутьё, колоссальную работоспособность и напористость в достижении поставленной цели, его откровенность в общении, справедливость, отсутствие лести и заигрывания с окружающими, непримиримую воинственность против любого общественного зла. Он видел нашу республику на много лет вперёд, делал всё основательно и прочно

В то же время те, кто сталкивался с Николаем Никитовичем указывают на такую черту его характера, как чрезмерная жёсткость по отношению к людям. Она особенно проявилась в 1986-1987 годах - во время и после Чернобыльской катастрофы.

Эта катастрофа оказала своё влияние на события в Беларуси. 26 апреля 1986 года во время аварии на Чернобыльской атомной электростанции, которая произошла в Украине близ границы с нашей республикой, на территории БССР выпало около 70% радионуклидов, попавших в результате взрыва реактора в атмосферу европейской части СССР. Заражению подвергались 23% (46,5 тысяч квадратных километров) территории республики. На загрязнённых землях проживало 20% населения Беларуси (2,2 млн. человек). К первому января 1987 года из зоны аварии в Беларуси было отселено 23,6 тысяч человек. Экологическая катастрофа затронула практически все сферы жизни общества, отразилась на многих аспектах науки и производства, культуры и морали.

Первый том энциклопедии «Республика Беларусь» (Мн., 2005. С.36) даёт такую оценку:

«Руководство СССР и БССР попыталось вначале скрыть истинные размеры катастрофы. Промедление в решении исключительно сложных и масштабных проблем, вызванных аврией на ЧАЭС, усугубило угрозу жизни и здоровью значительной части населения». Можно добавить: «в то время, когда в воздухе была высокая концентрация радиоактивной пыли».

В средствах массовой информации, во многих изданиях в СССР, Беларуси и России утверждалось, что Н.Н.Слюньков с первых дней старался скрыть истинные размеры этой катастрофы и заверил руководство СССР, что Белоруссия сама справится с последствиями аварии, что этот факт утаивался от общества, что Николай Слюньков не решился отказаться от традиционных первомайских шествий, в которых, как и ежегодно, приняло участие большинство жителей зараженной зоны, что под загрязненным радиоактивными выбросами небом маршировали дети и молодежь, а первый секретарь ЦК КПБ Николай Слюньков и глава правительства БССР Михаил Ковалев в многочисленных публичных выступлениях заявляли, что авария на Чернобыльской АЭС имеет локальный характер и в наименьшей степени угрожает безопасности населения Белоруссии.

В документальной повести белорусского писателя и журналиста Славомира Антоновича «Николай Слюньков» есть такие строки:

“Были у него, разумеются ошибки. Среди непростительных – первоначальные неадекватные поступки в условиях чернобыльской катастрофы. Одни промахи, неверные шаги нагромождались на другие: конспирация, строгая засекреченность, скудность и необъективность информации, приуменьшение беды при встречах с людьми. Он ошибочно полагал, что это всё смягчит ситуацию и не приведёт к взрывным, неуправляемым действиям народных масс.

Сегодня кое-кто пытается оправдать первые половинчатые решения и действия белорусских руководителей в те тревожные дни отсутствием у них необходимых знаний и опыта. Нам говорили: как же их можно винить, если они сами в полном объёме не представляли, что всё-таки произошло в Чернобыле и какие последствия нас ожидают. Ведь подобных ситуаций раньше действительно не было, и они не прогнозировались, к ним не готовились. Служба ПВО нацелено создавалась и готовилась для действий в условиях ядерного удара со стороны противника. А если рванут наши ядерные устройства, наши АЭС. Такое не предусматривалось, инструкций на сей счёт не имелось. Мы же привыкли к инструкциям. Вот главный источник растерянности, нерешительности, беспомощности...

К сожалению, Николай Слюньков и его подчинённые оказались не на высоте в сложившейся ситуации. Более того, если рассматривать все беды чернобыльской трагедии укрупнённо, то скажем прямо: лидер коммунистов не проявил присущие ему решительность. Твёрдую волю, пошёл, по-видимому, на поводу у Горбачёва. Недооценившего масштабы техногенной трагедии. Как мы знаем, Николай Никитович Слюньков не был лишён совести. Она его продолжает мучить и сейчас.

Мне кажется, что бывшие “первые коммунисты” страны и республики – крестные родители одного и того же замалчивания чернобыльской беды, скудности и неубедительности информации по вопросам радиационной безопасности. Особенно в первые часы и дни этой катастрофы на стыке трёх славянских народов.

Почему в республике не отменили в те предмайские дни демонстрации, автобусные маршруты в пострадавшие районы? Скольким людям, которые поехали помогать родным и близким посеять огороды или отдохнуть, можно было не дарить этот праздничный радиационный “подарок”? почему поляки сразу же передавали по радио рекомендации, как людям вести себя в этих условиях: по возможности ограничить передвижение, не открывать форточки и окна в квартирах, периодически делать влажную уборку, не пить молоко, употреблять йодную настойку и т.д.? Почему никто из первых лиц не хотел выходить к людям со всей правдой? Почему была такая засекреченность? Или так надо было?..”

(Антонович С. Судьба до востребования: документальные повести, очерки и рассказы – Минск, 2011 – С.58-60).

Как же на деле действовало в дни трагедии в Чернобыле руководство нашей республики в лице первого секретаря ЦК КПБ Николая Слюнькова и главы правительства БССР Михаила Ковалёва?

Из беседы автора этих строк с бывшим секретарём ЦК КПБ Н.И.Дементеем выяснилось, что поздним вечером 26 апреля 1986 года в Беларуси начались какие-то непонятные перебои с подачей электроэнергии, хотя по ним вряд ли можно было судить о том, что в стране случилось из ряда вон выходящее. Первому секретарю ЦК Компартии Беларуси Н.Н.Слюнькову позвонил Председатель Совета Министров БССР Михаил Ковалёв и доложил о том, что обесточена часть южных районов Гомельской области. Слюньков тут же связался с местными энергетиками чтобы выяснить причину отключения. Но те сами не знали, почему Гомельская область обесточенной. Пока выясняли, подача электроэнергии была восстановлена, и временному сбою в энергосистеме не придали значения. Так как такие случаи бывали и ранее. На следующий день – 27 апреля, в воскресенье, всё тоже было спокойно, поэтому многие горожане выехали на дачные участки и весь день трудились на своих грядках. Утром 28 апреля 1986 года в кабинет первого секретаря ЦК КПБ зашёл один из ведущих специалистов Беларуси в области ядерной энергетики и радиационной безопасности, директор Института ядерной энергетики АН СССР, доктор технических наук Василий Борисович Нестеренко и сообщил Николаю Никитовичу, что имеющиеся у атомщиков приборы зафиксировали над территорией Беларуси. в том числе и над Минском, повышенный радиоактивный фон, который доходит до 40 миллирентген в час. И хотя допустимая в то время безопасная норма была на 10 миллирентген выше, сообщение Нестеренко не на шутку встревожило Слюнькова. Но объяснить причину отклонения стрелок приборов от нормальных показаний учёный не мог. Слюньков тут же позвонил первому

секретарю ЦК Компартии Украины В.В.Щербицкому и поинтересовался, всё ли спокойно на Украине.

Щербицкий в сердцах ответил: “Чернобыль взорвался!”

Теперь Слюнькову всё стало понятно: и неожиданное отключение электроэнергии, и непонятное повышение ради оактивного фона. Непонятным оставалось молчание Москвы. Несмотря на это, Николай Никитович, не ожидая распоряжений сверху. Тут же дал команду М.Ковалёву создать оперативную бригаду из специалистов гражданской обороны, военных, врачей, учёных и немедленно на вертолёте отправиться в районы, прилегающие к Чернобылю. для изучения ситуации на месте.

Наконец, пришло первое сообщение из Москвы. Секретарь ЦК КПСС Владимир Долгих сообщал, что 26 апреля 1986 года в половине второго ночи на Чернобыльской АЭС перед постановкой четвёртого блока на ремонт произошёл взрыв... Два дня в высшем руководстве страны не могли выработать чёткую позицию по этому вопросу. Лишь после того, как Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А.Громыко сказал, что на столе президента США уже двое суток лежат сделанные спутником снимки повреждённого реактора, наконец, было принято решение о передаче по каналам ТАСС краткого сообщения об аварии на Чернобыльской АЭС.

Председатель Совета Министров БССР М.Ковалёв доложил из Гомеля об итогах обследования, которое провела в причернобыльских районах Белорусской ССР возглавляемая им бригада.: специалистам удалось обнаружить отдельные загрязнённые радионуклидами участки земли, радиоактивность на некоторых из них доходила до 40 миллирентгенов в час. Он с тревогой спросил:

“Что будем делать, Николай Никитович?” И услышал голос Слюнькова:

“Вот что, Михаил Васильевич. Ты возвращайся в Минск. Полечу туда сам”.

Следующий день Николай Никитович вместе с первым секретарём Гомельского обкома партии А.Камаем провели в предполагаемой зоне загрязнения, посетив Брагинский, Хойникский и некоторые другие регионы Гомельской области. Возвратившись в Гомель, Н.Н.Слюньков связался с главой правительства СССР Н.И.Рыжковым. Проведение первомайских демонстраций в Брагине и Хойниках было отменено. После праздничного шествия в Минске Николай Никитович сразу же снова улетел на Гомельщину. В чернобыльскую зону. Там он пробыл и следующий день, а вечером опять позвонил Рыжкову, который находился в Киеве. Телефонную трубку взял председатель правительственной комиссии Б.Щербина и сообщил, что Николай Иванович проводит экстренное совещание. Слюньков обрисовал неутешительную ситуацию. Которая сложилась на юге Гомельщины, и стал настаивать на отселении жителей из зоны бедствия. Б.Щербина попросил подождать Рыжкова, чтобы не терять времени, первый секретарь ЦК КПБ дал указание немедленно вызвать в областной комитет партии всех руководителей районов и некоторых хозяйств области. Было около десяти часов вечера 2 мая 1986 года.

Когда появился Н.И.Рыжков, Н.Н.Слюньков поставил его в известность о том, что руководство БССР намерено начать эвакуацию населения из близлежащих к атомной станции районов. Николай Иванович не возражал. Совещание с участием местных властей закончилось около часа ночи 3 мая. На нём были определены не только населённые пункты, жители которых должны быть эвакуированы. Но и города и посёлки, которые должны были принять переселенцев. Отселение коснулось жителей трёх районов Гомельщины (Брагинского, Хойникского и частично Наровлянского), проживающих в 30-километровой зоне вокруг атомной станции. В 4 часа утра 3 мая 1986 года в деревни, подлежащие эвакуации. Был подан необходимый транспорт.

Несмотря на значительные масштабы операции. Переселение людей и вывоз скота прошли организованно и закончились в 2 часа ночи 4 мая 1986 года. Также оперативно удалось решить и вопросы трудоустройства пострадавших, питания, денежного довольствия, обеспечения тёплой одеждой и другие вопросы.

Уже потом, после отъезда Н.Н.Слюнькова в Москву, появилось немало домыслов. Будто бы первый секретарь ЦК КПБ в первые дни после аварии отсиживался в кабинете, бездействовал, бросил людей на произвол судьбы. Но по одному только графику передвижений Николая Никитовича можно судить о том, насколько напряжённым и насыщенным был тогда его рабочий день.

В протоколе № 18 заседания Бюро ЦК КПБ о ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС от 28 октября 1986 года (т.е. через полгода после аварии – Э.И.) под грифом “Совершенно секретно” подчеркивалось:

“...Бюро ЦК КП Белоруссии отмечает, что партийными, советскими и хозяйственными органами республики приняты неотложные меры по эвакуации населения из опасных зон радиоактивного загрязнения, его быто- и трудоустройству...Развернуты работы по дезактивации населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий. Роведены санитарно-профилактические и медикаментозные мероприятия. Обследовано состояние здоровья людей. Случаев лучевого заболевания не установлено (курсив мой – Э.И.).

...Вместе с тем в работе по ликвидации последствий аварии допускаются серьезные недостатки и упущения.

Республиканская комиссия (т. Петров А.А.) многие практические вопросы решает медленно, слабо обеспечивает координацию и контроль за осуществлением министерствами и ведомствами, местными советскими и хозяйственными органами намеченных мер...”

В интервью белорусскому журналисту Валерию Санько Николай Никитович Слюньков вспоминал:

“Мы, у ЦК КПБ, атрымалі паведамленні з Масквы, з ЦК КПСС і ўрада, пора аварыю на атамнай станцыі не адразу. Несцярэнка, дырэктар інстытута ў Соснах. Быў у мяне ў панядзелак, 28 красавіка. Праз два, а можа праз тры

дні пасля гэтага. Дакладна не памятаю, я з ім паехаў па Гомельшчыне. Былі ў раёнах, вёсках. Вось тады поўнасьцю адчуў жах радыяцыйнай заразы, зразумеў: адбылася страшэнная катастрофа!..

Пра аварыю Рыжкову стала вядома ўранку 26 красавіка. У 12.00. у нядзелю, стварылі аператыўную групу, узначаліў яе насуперак Гарбачову сам Рыжкоў, склалі ўрадавую камісію – для разбору сітуацыі і прыняцця рашэнняў: каму што рабіць для аказання дапамогі, з каго патрабаваць. Пра радыёактыўнасць ніхто дакладна не цяміў, і пажарнікі не ведалі. Ніхто ў краіне пра яе нічога толкам не ведаў. Некаторыя спецыялісты схіляліся да таго, што зона адсялення павінна быць у радыусе ад сілы 20 кіламетраў. Урадавая камісія – згодна. Мікалай Іванавіч Рыжкоў, дабрак і прамалінейнік, пашаптаўся з акадэмікам Лягасавым. Менавіта ён адкрыў сумеснае паседжанне ў Чарнобылі. Дэбатавалі, рашалі цэлы дзень. Увечары Рыжкоў: “Усё абгаворана, усе ведаюць галоўныя праблемы катастрофы. Патрэбна тэрмінова ратаваць людзей. Асобныя навукоўцы прапануюць зону зоны высялення 15 кіламетраў. Некаторыя – 20, акадэмік Лягасаў – 30 кіламетраў. Прапаную рашэнне: зона высялення – 30 кіламетраў. – Рыжкоў узняў руку.-Хто супраць? Няма? Хто ўстрымаўся? Галасуем. Рашэнне прынята, зона 30 кіламетраў”. Рыжкоў тады прыняў лёсавызначальнае рашэнне. Мноства людзей трох рэспублік уцалела”

Мікалай Мікітавіч тупае да кніжнай паліцы, бярэ кнігу М.І.Рыжкова “Десять лет великих потрясений”, хутка знаходзіць даўно падкрэсленыя рознымі чарніламі радкі, пераказвае. Нічога не пытаю, ён сам выдае:

-Ні адзін следчы не зможа папракнуць Слюнькова ў тым, што я нешта ведаў, але не прадухіліў, не зрабіў, штосьці мог паправіць, але не шавяльнуўся...

-Пра Чарнобыль столькі наварочана, накручана...Страх бярэ...

Якія толькі выдумкі не множацца! Хто-ніхто з тагачасных кіраўнікоў Беларусі выстаўляецца як чалавек, абьякавы да лёсу рэспублікі. Але знайдзіце хоць адзін дакумент з мінска ў Маскву, у якім гаварылася б, што Беларусь самастойна справіцца з Чарнобыльскай бядой, што ёй не патрэбна дапамога. Няма такога дакумента, націскае Слюнькоў...

Рабілася ўсё не ў Мінску ці Кіеве”. Не беларусы вызначалі непрыдатнае месца для будаўніцтва АЭС. Не беларусы выбіралі няўдалы рэактар, не мы размяркоўвалі сродкі па ліквідацыі аварыі, планавалі лячэнне язваў Чарнобыля. Не мы!

-Усё зыходзіла ад саюзных міністэрстваў і ўрада СССР, ЦК КПСС...

У ЦК КПБ і Саўміне ў тых месяцы працавалі па дзве змены. Не ўсё высакаякасна было зроблена па прадухіленні наступстваў аварыі ў Беларусі, калі ацэньваць праз тры-чатыры гады, праз дзесяць, дваццаць гадоў, аднак у тых першасных умовах зроблена было максімальна многа і максімальна правільна. З наўных магчымасцяў”.

(Санько В. Чарнобыльская катастрофа і Мікалай Слюнькоў//Народная воля – 2015 – 3 сакавіка – С.3)

За приверженность к хозяйственным методам руководства Николая Никитовича называли «директором ЦК»

Позицию Слюнькова в отношении к последствиям Чернобыльской катастрофы высоко оценил Михаил Горбачев, что послужило продолжением его успешной карьеры. 28 января 1987 года Николай Никитович стал секретарем ЦК КПСС и находился на этом посту по 13 июля 1990 года (а не по 1991 год, как ошибочно пишет 6-томная «Энциклапедыя гісторыі Беларусі» и 18-томная «Беларуская энцыклапедыя». С 16 июня 1987 по 13 июля 1990 года он был членом Политбюро ЦК КПСС (а не по 1991 год, как пишут ошибочно вышеназванные энциклопедии). Одновременно в 1987-1988 годах Слюньков являлся заведующим Экономическим отделом ЦК КПСС. Кроме того, на сентябрьском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС он был утвержден председателем Комиссии ЦК КПСС по вопросам социально-экономической политики.

После отъезда Слюнькова из Минска в Москву он подвергся острой критике в белорусской прессе за недостаточное отстаивание интересов республики в преодолении последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Николая Никитовича обвинялся в антипатриотизме, в том, что ради собственной карьеры он пренебрег здоровьем нации.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачёв делал ставку на политический и хозяйственный опыт Н.Н.Слюнькова, его обширные знания, организаторские способности, самоотверженность в работе. Будучи членом Политбюро ЦК КПСС и секретарём ЦК КПСС, Николай Никитович занимал умеренно консервативные позиции, поначалу работал в унисон с Председателем Совета Министров СССР Н.И.Рыжковым, но затем стал относиться к предложениям правительства критически, выступал за более радикальный элемент преобразований. В начале 1988 года вместе с Рыжковым он вылетал в Армению, где случилось самое крупное за последние 80 лет землетрясение, координировал спасательные и восстановительные работы различных ведомств. Летом 1989 года Слюньков занимался проблемами забастовавшего Кузбасса и других угледобывающих районов. В январе 1990 года он выезжал в Армению, где было введено чрезвычайное положение из-за конфликта на межэтнической почве.

На заседаниях Политбюро ЦК КПСС Николай Никитович всё чаще высказывал несогласие со многими проектами и документами Совета Министров СССР, предлагал альтернативные варианты. В результате его отношения с Н.И.Рыжковым расстроились окончательно.

По мнению российского историка и писателя Н.Зеньковича, это обстоятельство, а также резкое ухудшение здоровья, в частности, инсульт, привели его к решению об отставке.

На XXVIII съезде КПСС в июле 1990 года М.С.Горбачёв объявил, что Н.Н.Слюньков обратился с просьбой об отставке по состоянию здоровья. Затем он продолжил:

«Его состояние действительно очень ухудшилось. Более того, в последнее время он просто выключился из работы, хотя вы и видели его на Российском съезде. Думаю, было бы просто никем не понято, если бы мы начали с обращений об отставке накануне, перед съездом, это было бы расценено как побег, что ли, как попытка уйти от отчёта, от того, чтобы доработать до конца оставшееся время» (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т.1. М., 1991. С.246).

После отставки Николай Никитович продолжительное время жил в Москве. Будучи на пенсии он активно участвовал в создании Ассоциации белорусско-российской дружбы и экономического развития. До 1998 года на общественных началах Слюньков работал исполнительным директором этой организации.

В 1971 году Слюньков был удостоен Государственной премии СССР, в 1972-м - звания «Заслуженный работник промышленности БССР», а в 1974-м - звания Героя Социалистического Труда. Кроме этого, он награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

С конца 1990-х годов Н.Н.Слюньков живет в Минске.

Я лично уважаю Николая Никитовича за трезвую оценку причин распада СССР и ситуации конца 1950-х – первой половины 1990-х годов, данную им в интервью журналисту Валерию Санько:

«Безграшоўе і развал ахапілі СССР не адразу. Нямыслікі і недалёкія людзі балбочуць, быццам хтосьці падпісаў паперку – і ўсё развалілася. Маюць на ўвазе Віскулі пад Брэстам і шэсць падпісаў. Даруем ім цемру, невуцтва. Гэта ад няведання, няўмення абагульняць, мысліць. Развал пачаўся нашмат раней, з сярэдзіны хрушчоўшчыны.

Відавочнае сведчанне развальвання – уліпанне ў Афганскую вайну і Чарнобыль, чую роўны голас субяседніка. Чарнобыль – вынік у першую чаргу велізарнай безадказнасці планавікоў, стваральнікаў і канструктараў, духоўнай дэградацыі асобных слаёў грамадства.

Мікалай Слюнькоў паўтараецца, лічыць абавязковым яшчэ раз падкрэсліць: катастрофа на ЧАЭС – вынік паўсюднай безадказнасці вялікіх і маленькіх структур, калектыўнай інстытуцкай і міністэрскай безадказнасці, свядомай ці несвядомай – гэта ўжо іншая справа» (Народная воля – 2015- 3 сакавіка – С.3)._

15 октября 1999 года в интервью газете «Московский комсомолец» Н.Н.Слюньков сказал:

«Живу в Минске. у дочери, потому что в России мне платят пенсию всего триста рублей. А в Минске дешевле жизнь. В Москву я приезжаю на два-три дня, чтобы получить ена почте пенсию. О политике меня и не спрашивайте. Я ею не интересуюсь с 1990 года...Я давно никуда не хожу, ничем не интересуюсь. Не хочу я ни радостей, ни горестей. Хочу пожить, сколько мне еще отведено судьбой, и пусть меня все забудут».

Его супругой была Лидия Павловна Слюнькова (1928-2010). У Николая Никитовича Слюнькова трое детей: дочери Инесса и Светлана и сын Сергей. Все с детства работали и ведут себя прилично. В материале об интервью со Слюньковым Валерий Санько допустил ошибку. Его старшую дочь зовут Инесса, а не Наталья. Она - белорусский и российский историк архитектуры, доктор архитектуры (2002), член-корреспондент Российской академии наук. Она три года училась в Белорусском политехническом институте (1970-1973), а в 1977 году окончила Московский архитектурный институт. С 2003 года И.Н.

Слюнькова – главный архитектор историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Она исследует зодчество и градостроительство XIV – XIX веков.

Тяжело сложилась судьба Николая Никитовича в последние годы. После переезда в Минск он тяжело заболел, как и его предшественник на посту первого секретаря ЦК КПБ Т.Я.Киселёв. Трагически погиб сын Сергей. Долгое время была прикована к постели жена, пока в конце 2010 года не отошла в мир иной. Все заботы о Н.Н.Слюнькове взяла его родная сестра.

Николай Никитович - руководитель особого типа. Его биография давно уже стала составной частью не только истории Беларуси, но и всего Советского Союза XX века, его экономики и политики в 1950-х-1990-х годах.

Эмануил Григорьевич Иоффе, профессор БГПУ им.М.Танка, доктор исторических наук

220005. г.Минск, пр.Независимости, 39-90.Т.2-84-83-79 (д.)